

Наталья ДУРОВА

С ЛЮБОВЬЮ КО ВСЕМУ ЗЕМНОМУ

Моя профессия

«Завидую красивой вашей жизни!» — так начинаются те письма, что получаю каждый день. Я миф рассеиваю, начиная свой ответ с вопроса: «Вас послали на галеры?!»

Смешно, не правда ли, в век прогресса вопрос такой кому-то задавать.

А я задам, да и отвечу за себя: «Да!», утвердительно кивну при этом заметно поседевшей головой. Не правосудье, а семья и время. Семья твердила: «Ты должна...», и время мчалось медленно и безразлично, не замечая моего труда. О детях ведь не думали тогда, им только лозунги дарили: «Все лучшее, все вам».

Мое же детство совпало с временем иным: распахнутость сердец, масштабность дел восстановления после смерча, что принесла война. Оно ушло, как, впрочем, полагается ему при росте и мужании человека, из детства превратившись в юность, а там спешить скорее в жизнь.

И я спешила повторить тот путь, которым шла наша семья, держа в руке, как заветное, традиций свиток и желание дерзаты! Едва вступила в жизнь — и сразу разочарованье. Другая череда времен. Кругом спокойствие и благолепие в сиянье звезд, что так безлики. А главное — копеечки вместо глаз.

Кому теперь нужна собака? Паркет испачкает, и шерсти клоки на импортной софе. А кошка — запах вони... А птица — сор в квартире, это ведь не изба, здесь гнездо свил человек, и только для себя.

Ребенок! Ну и что? Ему и так удобно. Есть «Детский мир», наборы любимых игрушек. От погремушки до престижного велосипеда.

А как же быть с развитием разума и сердца, ведь сплетаются они рождают доброту и жалость при виде хрупкого живого существа, чья жизнь зависит даже от ребенка.

«— При чем здесь это? — При заболевании обращаются к врачу, а не к собаке...»

«— Да-да! Природа лечит. Иначе дорого не стоил бы гомеопат».

Потом пройдут года. И эти дети, вобрав в себя все погремушки, распочнут чью-то жизнь, нанеся ущерб невозможным.

Откуда часть такого поколения, упущенных юнцов? Из времени, которое прошло, а длилось все же почти что два десятка лет.

Винить себя мне вряд ли стоит. Я выходила за ребенка честно в бой. Пыталась расказать ему о чуде, что живет вокруг него, о чуде, у которого есть то же сердце, глаза и чувства; оно одето, может быть, иначе, в мех, и в перья, в чешую. Оно живое и требует заботы и участия. Да, я пыталась в сердце малыша открыть тот пласт, который добротой и милосердием зовется. Но за закрытыми дверями, за крепостью квартир малыш попрежнему мне становился недоступен. Духовность за ненадобностью там выметалась, царил престижности вещизм, а рассмотренная пристального, да вниманья и доверия удостоивались лишь анонимки и донос.

Я на галерах равнодушия добывала для ребенка радость обретения мира и бережность к нему, и веру в правоту: не может равнодушным существовать на свете человек.

Теперь мои галеры кончились. Построен театр. Он носит имя деда моего. Иду навстречу детям по улице, что носит тоже имя деда. Реальность-сказка из окон так ярко светит малышу, чтоб он нашел свою дорогу. И доля хоть трудна моя — нести всем детям праздник, себе лишь будни горького труда, но труд мой уважаем!

Сегодня — счастлива, я принимаю время, оно мое и ничего я не прошу у жизни, как только жизни, чтобы успеть закончить то, что мне завещано семьей.

Инстинкт

Река мелела с каждым днем. В ней задыхалась рыба. Она издалека плыла на нерест, скользила сквозь щелку и бревна, не узнавала берегов и дна. Плыла, чтобы метать свои икринки. Плыла — как прорывалась через непроходимость сухопутных джунглей.

Неужто перепутала сама природу реку. Садком судьбы, оставив здесь инстинкт творить потомство там, где родилась сама? Творить и, может, гибнуть тотчас, отдав все жизненные силы для малька. Он повторит и путь ее до океана, и всплеск серебряный при солнце, и серый профиль в глубине волны. Свершив свой круг, как и она, даруя снова жизнь другому поколению.

Вперед, к истоку, хотя и сил, и воздуха уж мало! А путь нелегко и смертелен, точно пытка, где казнь страшна потерей памяти, неизвестием

Фото ТАСС.

воды и воздуха, дна, берегов. Инстинкт вперед зовет!

Река мелет. Вода как яд и водоросли безжизненно обуглились, — печальное предупреждение: опасна зона, не стремись вперед! А рыба, знай себе, в беспамятности ищет заветное то место и плывет.

Над речкой пар и серой пахнет лютю, а в небе столб — не древесины плоть, а соткан он из близорукости и недомыслия людского — стоит, как черный смерч, и дела ему нет, что гибнет маленькая, да, гибнет речка, с нею — рыба.

Подумаешь, какое-то звено в цепи житейской! На берегу — завод, а может, комбинат; он ведь подарит людям целлюлозу и порошок стиральный, одежду и металл да краски разные.

У рыбы есть инстинкт, у человека — разум. И от него зависит жизнь реки, исток ее — сначала ключ, родник, потом уж русло. Но сначала ключ: ты должен уберечь его, хранить как честь, которую тебе земля при сотворении вручила. Хранить и помнить: береги!

От разума зависит жизнь. Любую цепь ты можешь разорвать, восстановить, но ложный шаг, где лозунг пуст, коварен, беспощаден в холодности и беспринципности своей: авось, подумаешь, какая-то там рыба, главное ведь план и почесть, а не бережность и честь!

«Авось» — не разум, а бездумье, ведущее к пересыханию даже не истока, а самого, конечно, русла. Не будет рек, погибнет рыба, застынет в строгих трещинах-морщинах мертвый круглый лик: она звалась планетой Земля.

Остановись же, Человек, и в век прогресса думай, думай, что рыбы вечный путь — то честь твоя. Ты ключик держишь к сути жизни. Ведь цепь любую разорвать легко, поправить можно, кроме той, что с сотворения планеты открыл трудом ты сам, то — жизнь! То — цепь логически со словом «экос» связала виды на Земле. Утраптишь в ней звено — и все, ее восстановить нельзя, она живая, как и река, где воды, обмелев, как яд, сгубили рыбу. Подумай же о разуме и чести, Человек!

Я в прятки с жизнью не играю. «Авось» не признаю. Коррозию души и сердца пытаюсь я лечить любовью, бережностью ко всему земному. Во мне так волеит разуму инстинкт.

Полушка

В кабинете шла разборка атрибутов прошлого, чтобы к столдцатипятилетию со дня рождения В. Л. Дурова создать музей его семьи. И как всегда чуть поадалю играли дети. Я разрешила им быть здесь такими, будто взрослых рядом нет. Специально! Хочу попристальнее заглянуть в характер личности, входящей в мир. Никто здесь за ребенком не следит. Есть только удивительный и «мудрый» наблюдатель — попугай. Он с круглыми глазами, в которых часто сокращается при произнесении слова черненый зрачок, вдруг превратившись в восклицательный знак, выражающий на языке людей восторг и удивление. Зовут его Никуля!

— Ты кто? Кто там? Кто там? Кто там? — плывет его магнитофонный голос.

— Алеша, Тоня, Максим, Гаврюша, — слышится в ответ.

— Что делаешь, что делаешь, что делаешь?

— Ищем, ищем! — Один за всех звонко отвечает мальчик.

Мне этот стригунок более других интересен в компании детей. Характер виден, склонность к познанию и усердность к цели, вместе с тем — игра и терпеливость в поиске.

Да, любопытный паренек, лет восьми.

Ребята копошились в хламе, в уголке, среди перьев истлевших вееров, купюр, изжеванных обменом и годами, ливрейных пуговиц и рваных кружевных манжет.

— Смотрите, я нашел, нашел! — ликующе раздался крик мальчугана.

— Что нашел? — спросила.

— Ценность?

— Какую, милый?

— Монету! Смотрите! — он торжествовал.

— Кто там? Кто там? Кто там? — кричал Никуля.

Я улыбнулась и ответила: — Кладоискатель! Покажи-ка мне ее, дружок. Ты что же, нумизмат?

— Да, я и Степа с нашего двора, мы собираем. Вчера на марку я поменял исторический конверт, погашенный на самой Олимпиаде! Исторический! Она ведь была давно, за месяц до моего рождения, целых восемь лет назад. Глядите, совсем престарая монета! Натя вам!

Я посмотрела на монету. Полкопейки.

— Бери ее, дружок. Кладоискатель — полклада.

— Но это ценность. Разве можно?

— Можно! — утвердительно кивнула я.

— Да, но монета ведь одна! — он с грустью протянул.

— Бери, бери! Здесь только половина.

И вдруг в глазах мальчишки мелькнуло что-то хищное. Я уловила родство то ль с ястребом, то ли с хорьком. Он быстро скрылся.

А дети сосредоточенно возились, играя в прошлое, как в карнавал.

Как исчез, так внезапно и появился мальчик, обескураженный, растерянный, убитый. Глаза его пустыми были.

Попугай кричал, шлем яркого, как радуга, оперения грозно распустился. Он ощутил взволнованность мою. Вдруг вспомнила о телепередаче «Античность и современность». Она пересеклась в восприятии с фразой мальчугана: «...погашенный конверт! Исторический? Давно-то, восемь лет назад». Давно? Для детства восемь — это вечность!!! Вдруг высветился кадр на экране. Тот мальчик из доисторического далека с глазами пустыми. И сразу встал он рядом с этим в моем сознании. Должно быть, скульптор мудрым педагогом был или врачом. Античный мальчик застыл, окаменев для поколений — ликом будущего полдеца. Природа поступила с ним жестоко.

Рождение и время неразделимы. Порой не гены, а эпоха и среда нам моделирует натуру: власть, алчность, стремление к завоеванию мира, а в сущности лишь жалкая пустая оболочка, где скульптор навсегда сумел запечатлеть — нибельства, опасную для жизни, не умную, а вакуумную пустоту! Болезнь, вбирающую все в себя, чтоб ничего не создавать, расти, вреда всему. О, хорошо, чтоб рост такой был мыльным пузырем, не больше. А если опухолью — это миру ни к чему. Опасно!

Античный мальчик, сгинь, мой — другие дети!

Я глажу волос соломку нумизмата. Он огорчен. Губа дрожит, вот-вот слезой закапает обида.

— Да успокойся, милый. Разменная монета — не ценность истинная, нет. Твоя полушка, то бишь полкопейки — добавка к сумме. Добавка, понимаешь? Слушай, мальчик, истинная ценность — ЧЕ-ЛО-ВЕК.

— Человек, человек, человек! — мне вторит эхом попугай.

Да, человек! Главное — не всякий, а тот, что никого не лишью, не стает. Будет сам собой без добавлений: Человек!